

И.Ю. Алексеева

Общество знаний и гуманитарные технологии

1. К характеристике общества знаний

Общество знаний¹ – это динамично развивающееся общество, качественное своеобразие которого определяется действием совокупности факторов, включающей следующие: 1) широкое осознание роли знания как условия успеха в любой сфере деятельности; 2) наличие (у социальных субъектов разного уровня) постоянной потребности в новых знаниях, необходимых для решения новых задач, создания новых видов продукции и услуг; 3) эффективное функционирование систем производства знаний и передачи знаний; 4) взаимное стимулирование предложения знаний и спроса на знания (предложение стремится удовлетворять имеющийся спрос на знания и формировать спрос); 5) эффективное взаимодействие в рамках организаций и общества в целом систем/подсистем, производящих знание, с системами/подсистемами, производящими материальный продукт.

Так понимаемое общество знаний предполагает экономику знаний, однако не сводится к ней. Исследования по экономике знаний ведутся сегодня во многих странах, в том числе и в России². Необыч-

¹ И единственное, и множественное число слова «знание» в этих выражениях одинаково правомерны. Предпочтение того или другого может быть обусловлено вкусом автора, контекстом рассмотрения, желанием акцентировать характеристики единства или разнообразия, выступающие на первый план в анализируемой ситуации. Русское «общество знаний» (как и «общество знания») соответствует английскому «knowledge society».

² См., напр: *Макаров В.Л.* Экономика знаний: уроки для России // Вестник Российской академии наук. Т. 73. № 5 (2003); *Foray D.* The Economics of Knowledge. The MIT Press, 2004; *Степанова Т. Е., Манохина Н.В.* Экономика,

ность знания как экономического ресурса порождает специфические сложности измерений. Измерение затрат на производство знаний и доходов от «проданных знаний» необходимо, однако явно недостаточно для понимания экономических аспектов бытия знания. Экономика знаний как новое направление в экономической науке интересуется также данными, традиционно относящимися к науковедению, – например, количественными характеристиками различных категорий научных публикаций. Практическая направленность подобного рода исследований состоит, в конечном счете, в том, чтобы содействовать созданию благоприятных условий для развития экономики знаний³ как хозяйственного уклада. При этом речь может идти как о наукоемких и высокотехнологичных отраслях, так и об эффективном использовании знаний во всех отраслях экономики.

Потребность в новых знаниях имеется не только в экономике, но и во всех сферах деятельности людей. Производство и передача знаний осуществляется не только в рыночных контекстах, но и вне таковых. Процессы коммерциализации науки, культуры, образования – реальность, однако эти процессы затрагивают лишь отдельные аспекты и фрагменты таких областей. Значительная доля информационной продукции, производимой в обществе знаний, становится общественным достоянием, вознаграждение ее создателям осуществляется не на коммерческой основе, может быть символическим, а то и вовсе не иметь денежного выражения. Тем не менее использование понятий спроса и предложения для осмысления ситуации в подобных областях следует признать полезным – хотя бы потому, что оно гарантирует выход за рамки отношения «творческая личность и Бог», побуждая соотносить деятельность творческой личности с интересами и потребностями других людей.

Потребность в образовании, переподготовке, в дополнительном образовании, в «образовании на протяжении всей жизни» – одна из основных потребностей человека в обществе знания. Удовлетворение такой потребности может быть преимущественно делом рынка, но не менее правомерны и варианты, когда основную часть расходов на образование берут на себя государство и общественные организации.

основанная на знаниях (теория и практика). Учебн. пособие. М., 2008.

³ Экономику знаний в этом смысле называют также знаниеемкой экономикой и экономикой, основанной на знаниях.

Следует отметить, что выражения «общество знаний» и «общество знания» вошли в моду относительно недавно и все чаще используются социологами, экономистами, теоретиками менеджмента для осмысления процессов, происходящих в хозяйственной и политической жизни, в информационной сфере, в структурах образования и науки, в отношениях внутри организаций и между организациями. В опубликованном ЮНЕСКО докладе с показательным заглавием «К обществам знания» утверждается: «Сегодня общепризнано, что знание превратилось в предмет колоссальных экономических, политических и культурных интересов настолько, что может служить для определения качественного состояния общества, контуры которого лишь начинают перед нами вырисовываться»⁴. Общество знаний приобретает черты нового социального идеала, определяющего направленность стратегий и программ региональных, национальных и международных структур.

Идею общества знаний часто связывают с именем П.Дракера⁵, известного теоретика менеджмента. В 60-х гг. XX в. подобные идеи высказывали Ф.Махлуп, Д.Белл, Р.Лэйн и другие авторы. Однако предметом широкого общественного интереса идея общества знаний как общества будущего становится лишь в 1990-х⁶.

Чем отличается общество знаний от информационного общества? А от постиндустриального общества? Очевидно, ответы на эти вопросы зависят от того, какой смысл вкладывается в каждое из упомянутых понятий. Иногда говорят, что постиндустриальное общество приходит на смену индустриальному (что видно уже из названия), через какое-то время постиндустриальное общество становится информационным (т. е. информационное общество – стадия в развитии общества постиндустриального), а за информационным обществом следует общество знаний. Объяснить такой способ «упорядочения» можно, по-видимому, тем, что широкую известность соответствующие идеи приобретали именно в такой последовательности. Однако выдвинуты все эти идеи были поч-

⁴ К обществам знания. Всемирный доклад ЮНЕСКО. Париж, 2005. С. 7.

⁵ В этом контексте даются ссылки на работу: *Drucker P. The Age of Discontinuity, Guidelines to our changing society.* New York, 1969.

⁶ См., напр.: *Mansell R., When U. Knowledge Societies: Information Technology for Sustainable Development,* N.Y., 1998.

ти одновременно, а осмысливаемые с их помощью социальные, технологические и экономические процессы тесно переплетены между собой.

С конца 60-х гг. XX в. и до наших дней предложено множество толкований того, что такое информационное общество. При всём разнообразии акцентов, степени внимания, уделяемого тем или иным технологическим, экономическим или социальным процессам, информационное общество рассматривается в рамках основных концепций как обладающее по крайней мере следующими характеристиками. Прежде всего, это высокий уровень развития компьютерной техники, информационных и телекоммуникационных технологий, наличие мощной информационной инфраструктуры. Отсюда – такая важная черта информационного общества, как увеличение возможностей доступа к информации для всё более широкого круга людей. Наконец, практически все концепции и программы развития информационного общества исходят из того, что информация и знания становятся в информационную эпоху стратегическим ресурсом общества, сопоставимым по значению с ресурсами природными, людскими и финансовыми.

Возможно, название «информационное общество» не самым удачным образом «схватывает» специфику подобного комплекса явлений и процессов. Выражение «информационно-технологическое общество» лучше справлялось бы с этой задачей. Ведь принятие решений всегда осуществлялось на основе информации (ее достоверность и полнота – особый вопрос), и если понимать под информационным обществом такое, где важную роль играет информация, мы должны признать, что и первобытное общество было информационным. Однако сегодня мы имеем дело с уже сложившимся способом словоупотребления и полагаем, что попытки заменить понятие «информационное общество» понятием «информационно-технологическое общество» привели бы скорее к путанице, чем к прояснению сути дела.

Трудно представить себе эффективно функционирующие системы производства и передачи знаний без развитых информационно-коммуникационных технологий, мощной информационной инфраструктуры, делающей возможным доступ к информации и знаниям для все более широкого круга людей. И роль информации как стратегического ресурса в обществе

знаний несомненна. Учитывая все это, можно утверждать, что общество знаний обладает всеми характеристиками информационного общества.

Вместе с тем понятие общества знаний не тождественно понятию информационного общества. Ведь содержание первого понятия включает характеристики, относящиеся не только к развитию информационно-коммуникационных технологий, но, в принципе, к развитию любых других технологий и областей деятельности. В последние несколько десятилетий уровень развития компьютерных и коммуникационных технологий воспринимался (оправдано или нет – особый вопрос) как показатель научно-технического и промышленного развития той или иной страны в целом и даже как показатель демократичности общества. Нельзя исключить, что в будущем подобная роль станет выполняться другими технологиями. В последние годы все больше говорят о феномене НБИКС–конвергенции нанотехнологий, биотехнологий, а также информационных, когнитивных и социогуманитарных технологий. Быть может, вскоре заговорят и о НБИКС-обществе?

Понятие общества знаний имеет существенное сходство и с понятием постиндустриального общества. Теоретик постиндустриализма Д.Белл называл знание «осью» постиндустриального общества, писал об обществе, основанном на знаниях. Особое значение он придавал теоретическому знанию, науке. Общество знаний в указанном выше смысле, несомненно, следует считать постиндустриальным.

И все же не только научное знание играет здесь важную роль. Своеобразие других видов знания – в том числе знаний, накопленных в процессе практической деятельности, результатов жизненных наблюдений, технических и «деловых» знаний, не дотягивающих (и необязанных «дотянуть») до статуса научных и теоретических – необходимо учитывать, чтобы понимать причины успеха инноваций в одних случаях и отрыва теории от практики в других. Судьба технологии, даже самой передовой и остро необходимой людям, во многом зависит от того, учтены ли в должной мере создателями технологии и теми, кто ее продвигает, психологические и социальные факторы. Предложенная выше характеристика общества знаний делает упор на эффективности функционирования систем производства, приобретения и применения знаний, продуктивности их взаимодействия.

Речь здесь идет, прежде всего, о знании в обычном смысле. А значит, о знании о том, что представляют собой те или иные предметы, существа и явления, каковы их свойства и отношения между ними. Слова «предмет», «существо» и «явление» взяты здесь в предельно широком смысле. Если в качестве предмета или явления выступает процесс, в который вовлечено человеческое существо с его целями и способами оценки, в качестве особого вида знания выделяется знание о том, как организовать процесс, как выполнить то или иное действие или последовательность действий. Применима ли данная характеристика к знанию в специфическом смысле «экономики знаний» или «менеджмента знаний», допускающем зачисление в разряд знаний всех нематериальных активов? Чтобы ответить на этот вопрос, попробуем заменить слова «знание» и «знания» словами «нематериальные активы» во всех пунктах этой характеристики. Результатом будут формулировки, которые нуждаются в уточнении и исправлении. Что-то может быть прочитано как рыночная метафора – например, выражение «нематериальные активы как фактор успеха» в применении к сферам деятельности, выходящим за пределы рынка или вовсе находящимися за пределами этой сферы.

Тема общества знаний – перспективная тема дискуссий, участники которых могут исходить из разных представлений о том, что есть общество знаний. Вряд ли разумно ожидать, что на этом пути будет достигнуто «общепризнанное определение». Смысл подобных обсуждений – не в достижении такого определения, а в том, чтобы участники их, выходя за пределы специализированного контекста, открывали для себя новые грани изучаемых предметов и явлений, а возвращаясь в привычный контекст, изменяли его, формулируя новые вопросы и исследовательские задачи.

2. «Общество знаний», «посткапитализм» и российская современность

«От капитализма к обществу знания» («From Capitalism to Knowledge Society») – так называется первая глава книги П. Дракера «Постэкономическое общество», вышедшей в свет в 1993 г. и вскоре переведенной на многие языки. В этой работе представлен сво-

еобразный итог многолетних исследований автора. (Первая книга Дракера – «Конец экономического человека» – была опубликована еще в 1939 г.). Подчеркивая социопорождающую роль знания, Дракер характеризует знание не просто как силу, но как силу, способную создавать новое общество. «Пожалуй, нынешнее общество еще преждевременно рассматривать как “общество знания”»; сейчас мы можем говорить лишь о создании экономической системы на основе знания... Однако общество, в котором мы живем, определенно следует характеризовать как посткапиталистическое», – пишет он⁷. Посткапитализм, по Дракеру, наступил тогда, когда знание, служившее прежде одним из видов ресурсов, стало главным ресурсом, а земля, рабочая сила и капитал стали играть роль сдерживающих, ограничивающих факторов.

Следует подчеркнуть, что посткапитализм по Дракеру не означает ни упразднения частной собственности на средства производства, ни существенного ограничения рыночных отношений. Напротив, движение к посткапитализму, а затем и к обществу знаний связывается данным автором со все более широким вовлечением знания в сферу действия рынка.

Тема грядущего общества знаний, сопряженная с «открытием» того обстоятельства, что передовые общества Запада больше не являются капиталистическими, но находятся в стадии посткапитализма, приобретает особое звучание в современной России.

Экономические преобразования 90-х гг. XX в. происходили здесь под лозунгами утверждения капитализма как единственно правильной системы, позволяющей стране вернуться в лоно мировой цивилизации. Экономические идеологи, взявшие на себя роль проводников в мир благополучного Запада, поставили во главу угла частную собственность и свободный рынок. Мерилом всех (или почти всех) возможностей и достижений стали деньги. Надеждам общества на то, что приватизация государственной собственности и широкое распространение рыночных отношений обеспечат в кратчайшие сроки экономический подъем, повышение уровня жизни (не единиц, а масс!), развитие промышленности и науки, не суждено было сбыться.

⁷ Дракер П. Посткапиталистическое общество // Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология / Под ред. В.Л.Иноземцева. М., 1999. С. 71 (Перевод выполнен по изданию: *Drucker P.F. Post-Capitalist Society. N.Y., 1995*).

Обществу потребовались объяснения происшедшего, и таких объяснений было предложено множество. Среди них – как ссылки на незавершенность реформ, невозможность обеспечить чистоту капиталистического эксперимента из-за действий некомпетентных чиновников и неправильности населения, так и утверждения о том, что России нужно было не отказываться от социалистической экономики, а совершенствовать ее. Подобные мотивы, постоянно воспроизводящиеся в дискуссиях о постсоветском опыте и перспективах страны, рискуют надоесть и публике, и самим участникам дискуссий.

Ситуация меняется, если мы принимаем (пусть не в качестве несомненного, но хотя бы в качестве имеющего основания) взгляд на США и страны Западной Европы как на оставившие капитализм в прошлом и движущиеся к обществу знаний. Вопрос о том, что понимать под капитализмом, в данном случае вполне правомерен, однако этот вопрос – не главный. Главное – идея знания как основной движущей силы экономического и социального развития. Тем, кого вдохновляет эта идея, не обязательно разделять Дракеров взгляд на знание, как непременно вписываемое в контексты рыночной экономики или как минимум обладающее практической полезностью. Можно выстраивать собственную концепцию общества знаний, признающую и важность знаний, практическая полезность которых не ясна, и культурные измерения знания. Делать это – не значит отрицать актуальность прикладных исследований, направленных на усовершенствование систем и методов управления как в бизнесе, так и в некоммерческих организациях – государственных и негосударственных. Напротив, такие исследования остро необходимы в России, перспективу выживания которой не случайно связывают сегодня с перспективой создания эффективной национальной инновационной системы.

«Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации до 2020 года»⁸ имеет все основания быть прочитанной как документ «посткапиталистической» направленности. Авторы исходят из того, что капитализм в стране в основном построен и настало время для «инновационного со-

⁸ «Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации до 2020 года» утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 17 ноября 2008 г. № 1662-р.

циально ориентированного типа экономического развития». Это предполагает превращение инноваций в ведущий фактор экономического роста, повышение производительности труда, резкое увеличение как числа предприятий, осуществляющих технологические инновации, так и доли инновационной продукции в объеме выпуска, опережающее развитие человеческого потенциала.

Будущее России разработчики стратегии связывают не только с добычей полезных ископаемых, но и с созданием конкурентоспособной экономики знаний и высоких технологий. Определение «экономики знаний и высоких технологий» дается перечислением составляющих ее сфер деятельности и секторов хозяйства. К таковым в документе отнесены «сферы профессионального образования, высокотехнологичной медицинской помощи, науки и опытно-конструкторских разработок, связи и телекоммуникаций, наукоемкие подотрасли химии и машиностроения».

Какими видятся в этом контексте перспективы фундаментальной науки? Не применить ли к России подход, сформулированный в отношении развивающихся стран и предполагающий, что формирование инновационной системы в этих странах возможно без развития здесь фундаментальной науки? Кстати, авторы упомянутого доклада ЮНЕСКО решительно против такого подхода. «Инновационная система предполагает взаимодополняемость фундаментальных исследований и внедрения технологических нововведений, – утверждают они. – Однако раздается множество голосов в поддержку идеи о том, что развивающиеся страны нуждаются в прикладных, а не в абстрактных фундаментальных исследованиях. Однако трудно понять, например, каким образом страна или группа стран могут вести исследования в сфере биотехнологий, не располагая учреждениями, занимающимися фундаментальной биологической наукой»⁹.

Заметим, что отношение к фундаментальной науке как непоколебительной роскоши находит сторонников и в современной России – как среди чиновников государства, так и среди сотрудников научных учреждений. Свообразие ситуации в нашей стране в сравнении с ситуацией в странах, относимых к категории «разви-

⁹ «Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации до 2020 года» утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 17 ноября 2008 г. № 1662-р. С. 108.

вающихся», определяется фактом наличия фундаментальной науки. Там, где таковая отсутствует, суть вопроса состоит в следующем: стоит ли стремиться к тому, чтобы фундаментальная наука в стране появилась? В России, унаследовавшей от СССР фундаментальную науку, суть вопроса иная: стоит ли стремиться к тому, чтобы фундаментальной науки в стране не стало? Именно это – суть вопроса, облакаемая, как правило, в более мягкие формулировки. Когда процессы разрушения и обветшания национального научного комплекса (действительно имеющие место) используются как основание для вывода «лучше никакой науки, чем такая», это свидетельствует о примитивизированном покупательском подходе, не учитывающем ни сложности феномена науки, ни перспектив развития страны. Не допустить исчезновения российской науки – значит создать условия и стимулы для превращения научного комплекса с теми (во многом неудовлетворительными)¹⁰ свойствами, которыми он обладает сегодня, в научный комплекс со свойствами желаемыми. Решение этой задачи требует производства новых знаний о науке и о среде, в которой наука функционирует, и эффективного практического применения этих знаний.

Отрадно отметить, что «Концепция 2020» содержит формулировки о необходимости формирования мощного научно-технологического комплекса, который обеспечивал бы достижение и поддержание лидерства России в научных исследованиях и технологиях по приоритетным направлениям; о необходимости повысить эффективность фундаментальной и прикладной науки, объединяемых под общим названием – «сектор генерации знаний». В начале XXI в. «сохранительная» политика в отношении российской науки представляется неоправданной. В тексте Концепции обращено внимание на такие, отмечаемые и в науковедческих работах, тенденции, как «постепенная утрата созданных в предыдущие годы заделов, старение кадров», «снижение уровня исследований», «слабая интеграция в мировую науку и мировой рынок инноваций», «отсутствие ориентации на потребности экономики». Очевидно, речь должна идти о создании благоприятных условий для развития науки, о стимулировании исследований и разработок.

¹⁰ См., напр.: Семенов Е.В. Сфера фундаментальных исследований в постсоветской России: невозможность и необходимость реформ // Информационное общество. 2007. Вып. 1–2.

Исследование, изобретение, внедрение нового в практическую деятельность (производство и предложение интеллектуальной или материальной продукции, пользующейся общественным спросом), наконец, получение той или иной формы признания (возможно, в виде дохода от продажи продукции) – составляющие инновационного цикла, в который может быть вовлечено множество людей и организаций. «Ученый», «изобретатель», «предприниматель» – условные (весьма условные!) обозначения основных типов деятелей, чьи интересы и результаты работы должны достигать той степени соответствия, которая делает возможной инновационное развитие. Если «изобретателя» не интересуют исследования, а «предпринимателя» не интересуют изобретения, судьба «исследователя» ставится под вопрос. Однако сегодня способность к инновациям признается условием конкурентоспособности, а сопротивление инновации – феноменом, который следует изучать, чтобы найти способы его преодоления.

Кросскультурные исследования показывают, что российские студенты относятся к инновациям не менее позитивно, чем студенты канадские, а индекс инновативности личности у российских студентов выше, чем у студентов из США¹¹. И вряд ли подобные качества характеризуют лишь нынешнее поколение учащейся молодежи. Творчество – одна из основных ценностей русской культуры – официально провозглашалась ценностью культуры советской. Однако и повседневный опыт, и статистика неумолимо свидетельствуют: по показателям инновационной активности Россия отстает не только от стран Запада, но и от бывших социалистических стран.

Знание о том, как создать эффективную национальную инновационную систему, сегодня остро необходимо в нашей стране. Решат ли проблему импортные «модели» и рекомендации, разработанные на основе сопоставления стран «первого» и «третьего» мира? Или это должно быть знание отечественного производства (а знакомство с зарубежным опытом может использоваться «всего лишь» как информация к размышлению)?

В данном контексте заслуживает внимания продвигаемая В.Е.Лепским идея разработки субъектно-ориентированных технологий обеспечения инновационных процессов. Речь идет о «высо-

¹¹ См.: Лебедева Н.М., Ясин Е.Г. Культура и инновации: к постановке проблемы // Форсайт. № 2(10). 2009. С. 21–22.

ких гуманитарных технологиях», необходимых на разных уровнях принятия решений в разных сферах общества. «Очевидно, что в решении стратегических вопросов инновационного развития, – пишет В.Е.Лепский, – должен быть задействован коллективный интеллект, мощные, как правило, распределенные аналитические и экспертные системы. Точные прогнозы в экономической и научно-технической сфере, объективная информация об исследованиях и разработках, развитая практика независимой экспертизы – все это средства реального влияния на инновационные процессы и управления ими»¹². Не лишено оснований и утверждение этого автора о том, что в России сегодня речь должна идти о «мирововоззренческой революции в массовом сознании», не последнюю роль в которой призваны сыграть СМИ. Необходимо подчеркнуть, что проблема формирования инновационной культуры выходит далеко за пределы экономической науки и требует профессионального внимания представителей самых разных областей знания – гуманитарных, технических, естественных.

3. Технологизация гуманитарного знания: возможности и запросы

В гуманитарных науках движение от фундаментальных исследований к прикладным, а от последних – к технологиям проследить труднее, чем в естественных. Сама граница между фундаментальным и прикладным здесь менее определена. Показательны в этом отношении примеры, приводимые Е.В.Семеновым, руководившим (в качестве генерального директора, а затем заместителя председателя совета фонда) работой Российского гуманитарного научного фонда в первое десятилетие существования этой организации. С точки зрения историка, подчеркивал Е.В.Семенов, публикация архивных материалов – важнейшая, фундаментальная задача, однако такое нестандартное видение фундаментальности не находит понимания у естественника. Для лингвистов и этнографов важное (и фундаментальное) значение имеет изучение разрушающихся культур малочисленных наро-

¹² Лепский В.Е. Субъектно-ориентированный подход к инновационному развитию. М., 2009. С. 129.

дов, однако финансирование экспедиции на Сахалин для изучения культуры нивхов не выглядит поддержкой фундаментальных исследований в общенаучном фонде, каким является Российский фонд фундаментальных исследований¹³.

К сказанному добавим, что вопрос о том, как понимается фундаментальность в гуманитарных областях, касается природы гуманитарного знания в целом и каждой из гуманитарных наук в отдельности. Например, в философии «фундаментальное» часто противопоставляется не «прикладному» (как это происходит в естествознании и технических науках), а «поверхностному». Под фундаментальной работой понимается работа глубокая. Но проблема фундаментальности в философии имеет и другой аспект. Традиционно фундаментальными считаются такие разделы философского знания, как онтология и теория познания. Наделение социальной философии статусом фундаментальности уже вызывает сомнения, а эстетика как философская дисциплина многим представляется вовсе периферийной. Фундаментальна ли эстетика? В Японии эстетика – наиболее уважаемая из философских дисциплин, поскольку её считают единственным разделом философии, имеющим практическое применение. Отсюда при желании можно сделать вывод о прикладном характере эстетики, однако такой вывод будет преждевременным. Собственно эстетические философские исследования выглядят фундаментальными на фоне таких, как, например, исследования по истории костюма. Вместе с тем работа по проблемам онтологии может оказаться поверхностной, небрежной и в этом смысле не фундаментальной, а работа по той же истории костюма – глубокой, основательной и в этом смысле фундаментальной. У социологов свой подход к проблеме фундаментальности. Здесь «фундаментальное» нередко противопоставляется «прикладному», а прикладной характер исследования связывается с возможностью найти заказчика, способного данную работу оплатить. В философии, в отличие от социологии, вопрос о заказчике выглядит как нечто чужеродное.

¹³ См.: Семёнов Е.Н. О пользе самостоятельности. Создание Российского гуманитарного научного фонда – успех гуманитарного научного сообщества // Вестн. РГНФ. 1995. № 1 (ссылка приводится по: Семёнов Е.В. Явь и грёзы российской науки. М.: Наука, 1996. С. 76–77).

От фундаментального знания к разработке технологии (в процессе доводки которой могут быть проведены прикладные исследования) – движение, в гуманитарных областях вполне возможное и правомерное. Собственно идея гуманитарной технологии позволяет по-новому увидеть гуманитарные науки, возможности их влияния на состояние общества и жизнь человека.

Заявка на создание технологии становится мощным средством «оправдания» гуманитария, доказательством его полезности в прагматичном обществе. Многие из того, что раньше называли методами и методиками, средствами воздействия на человека и способами организации социальных структур, сегодня получает статус технологий – «социальных», «гуманитарных», «социогуманитарных», «социокультурных».

Б.Г.Юдин, характеризуя феномен гуманитарных технологий, обращает внимание на то обстоятельство, что прилагательное «гуманитарный» может выражать и отнесенность к гуманитарным наукам, и сфокусированность на человеке¹⁴. Следует согласиться с Б.Г.Юдиным в том, что для понимания сути гуманитарных технологий важны оба эти значения.

Кстати, строго разделить технологии «социальные» и «гуманитарные» вряд ли возможно. Направленность первых на социальные общности, а вторых – на индивида (или индивидов) позволяет достаточно легко понять различие лишь на уровне отвлеченном. Когда речь заходит конкретных технологий, подобная легкость может быть утрачена. Например, технологии рекламы, адресованной индивидам, рассматривают последних как целевую группу и направлены на достижение определенных социальных эффектов. В некоторых случаях (например, в случае индивидуального психологического тестирования) можно говорить о гуманитарном (без добавки «социо-») характере технологии достаточно определенно.

Традиционно под технологией понималась «совокупность методов обработки, изготовления, изменения состояний, свойств, форму сырья, материалов и полуфабрикатов, применяемых в про-

¹⁴ Юдин Б.Г. От гуманитарного знания к гуманитарным технологиям // Знание. Понимание. Умение. Информационный гуманитарный портал. http://www/zpu-journal.ru/gumtech/expert_exam/articles/2007/Yudin/2/

цессе производства для получения готовой продукции»¹⁵. Примеры технологических операций и процессов – механическая обработка, обработка давлением, термическая обработка, сборка и т. д. Технология в традиционном смысле – как совокупность операций и процессов – отлична от техники как совокупности технических устройств. Сегодня понятие технологии (даже если речь идет о технологии производства материальных вещей) изменилось, – технология мыслится как включающая в себя технику.

И все же, пытаясь составить широкое представление о гуманитарных технологиях, осмысливая их природу и возможности, полезно время от времени соотносить технологию гуманитарную с технологией «обычной», обеспечивающей получение готовой продукции из сырья и полуфабрикатов.

Потребность современного общества в социогуманитарных технологиях чрезвычайно высока. Речь идет, конечно же, не о «технологиях обмана» и искусстве выдавать вещь за то, чем она не является, а о технологиях педагогических и просветительских, о технологиях, способствующих повышению уровня солидарности людей, развитию личности, совершенствованию механизмов социального управления, рациональной организации работы в сфере науки, инженерной деятельности, производства. Лишь малая часть накопленных ресурсов социогуманитарного знания используется сегодня для создания таких технологий.

¹⁵ Стуль Я.Е., Суханов К.Н. Понятия технического знания и их развитие // Философские вопросы технического знания. / Отв. ред. Н.Т.Абрамова. М., 1984. С. 11.